

Какие есть карандаши, такими и рисую

Леонид Борич

«КАКИЕ ЕСТЬ КАРАНДАШИ, ТАКИМИ И РИСУЮ»

Игорь Шестков. Алконост. «Литературный европеец», 2008г.

Тот, кому довелось хотя бы мельком, но «вживе», а не на фотографии в книге, увидеть доброе лицо Игоря Шесткова, вряд ли может предположить, что перед ним автор довольно мрачной прозы. Это определение, пожалуй, относится и к сборнику его рассказов «Африка» (2007г.), и к нынешней книге «Алконост», но вовсе не означает упрёка. Таково, видимо, его, Игоря Шесткова, мировосприятие - кому-то созвучное, для иных почти неприемлемое. И хотя сюжеты его книг связаны почти исключительно с прежней жизнью на родине, думается, что напиши он подробно о жизни здешней, в Германии, тональность его прозы была бы столь же пессимистичной, а краски тёмными. Словом, как сказано одним из его героев, «Какие есть карандаши, такими и рисую». Отнесём это и к самому автору. Однако, слава богу, не та уже эпоха, чтобы прибегать к манере критиков советских времен: дескать, на какой это обочине жизни нашёл автор своих героев?! Вполне можно допустить, что и у современных российских критиков, «истинных патриотов», возникнут серьёзные обвинения по поводу кричащей бездуховности героев Игоря Шесткова на фоне исконной, выше, чем у всех других народов, невероятной духовности наших соотечественников-россиян. Ну, а насчет действительно неприятных нам героев Игоря Шесткова... Вдруг ловишь себя на том, что, может быть, не автор «Алконоста» намеренно жесток, а ты сам чересчур прекраснодушен: и видел же всё, описанное Шестковым - не раз видел! - но ведь невольно глаза отводил, стараясь не всё замечать. Чтобы легче и спокойнее жилось. Так кто же из нас более честен?

И, тем не менее, при чтении прозы Шесткова то и дело коробит обилие ненормативной лексики («пердёж», «хуй невытый», «залупа», «жопа», «обосрался...»), что превосходит даже тех эпатажных авторов современной

литературы, для которых любая чрезмерная откровенность не только допустима, но и желательна. Как-то так получается, что некоторые слова, употребляемые Шестковым, выглядят «грязнее» любого нагромождения истинно матерных фраз.

Жаль места, но для доказательства сказанного придется цитировать хотя бы в сокращении. «... Любовники разделись и совокупились перед глазами Зубова (это её муж)... подошли к связанному и стали плевать в него...». Казалось бы, вполне достаточно для характеристики любовников. Но то достаточно нам, а не автору. Любовники еще и обмениваются между собой замечаниями по поводу её мужа. В этом диалоге женщина не менее изобретательна, чем её любовник. Ругань (в нашем сокращении) там такая: «хуесос и педрила», «выпердыш куриный», «кот зассатый», «еблан», «гнильная пиздота», «ебать его в копченый глаз», «кусай за хуй». Это занимает почти треть 64-ой страницы.

Невольно вспоминается медицинский термин «Копролалия» - склонность к систематическому употреблению бранных, нецензурных, циничных выражений. А тяга к унижению кого бы то ни было столь велика, что иной раз приобретает анекдотический оттенок помимо воли автора. Так, в явно документальном очерке «Вечер Литвиненко» (того самого, отравленного полонием) автор, описывая присутствующих в зале, упоминает и интеллигентного вида женщин. Но мы, уже заметившие пристрастия автора, ожидаем, что должно тут и нечто развенчивающее последовать. Оно и следует сразу же после запятой: «Интеллигентные женщины, страдающие несварением желудка». И как только удалось автору усмотреть такую интимную подробность в незнакомых женщинах?

Большинство произведений в книге «Алконост» написано от первого лица, из-за чего испытываешь некоторое затруднение: «Я» - это так называемый «лирический герой» или это на самом деле Игорь Шестков? А значит, кому предъявлять претензии, если они возникают: к герою или к автору? Впрочем, героев-то нам автор показывает. Вот и читаешь рассказ «В больнице», где всё узнаваемо по опыту прошлой советской жизни и «бесплатного» медицинского

обслуживания: задобрить нянечку какой-то суммой, чтоб не лежать в собственных фекалиях, и медсестру, чтоб сделала обезболивающую инъекцию, и золотыми серёжками отблагодарить хирурга рядовой больницы Веру Павловну. Она, между прочим, совершенно верно успокаивает отца прооперированного больного: «А о Кремлевке не жалеете. Уход и еда у них там, конечно, лучше нашего. А врачи все блатные. Оперируют раз в три года. Сколько человек сгубили. А тут - целый день в операционной, руки сами режут...». (Завидная, надо сказать, осведомленность автора, как и во всём, о чём он пишет, разве что кроме эпизода с женщинами, у которых несварение желудка). Перед читателем проходит ряд отлично выписанных характеров, и всё ждёшь, всё-таки ждёшь: ну, пусть хотя бы один, хотя бы единственный отчётливо положительный тип был показан в этой больнице, от чего никак нам, воспитанным отечественной литературой, не отвыкнуть. По крайней мере, пусть хотя бы сам автор выглядит как положительный герой!.. Но в том-то и дело, что «я» - это здесь рассказчик восемнадцати лет, а отношение автора к происходящему, да и ко всем в больничной палате и за её стенами - как всегда, нейтральное, а точнее - невозмутимое. Автор вроде бы никому не сочувствует и никого не осуждает. И даже признание умирающего старика в том, как во время ленинградской блокады «Людей мы ели. Студень из трупов варили» и как бывшую свою любовницу он после её смерти «топором расхрякал», чтобы «несколько кусков мяса на соль и хлеб обменять» - всё это, ужасая нас, никак не меняет отстраненный, размеренный тон повествования. Заканчивая читать рассказ «В больнице» и, наконец, обнаружив сердобольную медсестру, которая на прощанье - и совершенно безвозмездно! - сделала больному инъекцию анальгина, «чтобы дорогу домой лучше перенёс», с облегчением переводишь дух: ну вот, хоть кто-то искренне помог человеку... Но если бы так закончился рассказ, то это был бы не Шестков. Концовка там другая: медсестра-то оказалась новенькой, она не знала, что у больного была чудовищная аллергия на анальгин. Медсестра «Как лучше хотела. А вышло вон как. Задохнулся». Правда, Игорь Шестков наконец-то не устоял перед благодеянием, но тоже исключительно по своему: одному из больных, слепому бывшему пилоту, истосковавшемуся по женской ласке, автор «позволил» сговориться с пожилой нянечкой об интимной

услуге за небольшие деньги, то есть, как сообщается, «Ильинична согласна в рот взять. Завтра, в бельевой. Обещала зубы почистить». Именно таким вот образом автор все-таки высказал сочувствие ... Хотя что ж? Ведь и в этом случае, как и в большинстве других, якобы не автор пишет, а его герой-рассказчик делится с нами этой «хорошей новостью». Пусть так, но ведь уготована она всё-таки автором, которого мы чуть было не заподозрили в бездушном отношении к его героям.

Не всегда произведения Игоря Шесткова выглядят вполне законченными. Некоторые из них, скорее, этюды, сюжетные поводы к возможным полноценным рассказам. Таков, прежде всего, «Лютц», занимающий всего шесть страниц, - некая страшноватая зарисовка на грани эстетически приемлемого: современный подросток получает особенное удовольствие от мастурбации, просматривая видеокассету фильма, отснятого фашистами через стеклянные окошки газовых камер, когда там убивали женщин и детей. («Тебе было их жалко?» - «Нет... Я кончал, когда они все там обсирались...»). Кажется, нетрудно предвидеть, что не в одной ещё рецензии, буде они появятся, Игорю Шесткову попеняют именно на «Лютца». Как, возможно, и неприятно удивятся суждению автора на 158-ой странице, когда отталкивающим чертам одного человека - еврея Гольдфарба - придается вселенский масштаб и делается вывод о характере целой нации. Автор предполагает, что своим высказыванием он «рискует навлечь на себя гнев сверхчувствительного читателя». Не станем загадывать, как отнесется «сверхчувствительный читатель», но у читателя обычного вполне может возникнуть сожаление по поводу того, что Игорь Шестков, будучи писателем, безусловно, оригинальным, неожиданно прибегнул к многовековому шаблону.

В книге есть пьеса «Анапа», но в подзаголовке указано, что это «отрывки неоконченной комедии», а потому от каких-либо суждений приличнее воздержаться до тех пор, пока пьеса будет закончена и представлена не в отрывках.

При той высокой планке, которую установил сам автор лучшими своими произведениями, вызывает досаду последняя часть рассказа «Стена». Сделано

это, если можно так выразиться, не «по-писательски», а с той излишней публицистичностью, какая подобала бы лишь газетной статье.

А лучшее, на наш взгляд, в книге «Алконост» - это «Вечная жизнь Зубова» (несмотря на «копрологическую» страницу) и «Московские впечатления». Они написаны просто великолепно. Впрочем, нет-нет, а кое-что из «Вечной жизни Зубова» продолжает резать слух...

35-летний неудачник Зубов, ещё девственник, вдруг «почувствовал, что втюрился. И испугался». Ну, что ж, при испуге бывают различные реакции. Однако у Шесткова может быть только так: «Страх опустился в живот и поднялся оттуда тошнотой. Зубов побежал в институтский туалет и, едва успев закрыться в грязной кабинке с расписанными шариковой ручкой стенами, выблевал весь свой обед в унитаз. И соус и салат и зразу. (У автора перечисляется без запятых. Видимо, чтоб мы ярче вообразили одновременность выташнивания всего съеденного накануне). Когда блевал, читал надпись прямо над толчком...». Надпись эту приводить не хочется из-за особенной густоты туалетного слэнга. Конечно, Игорь Шестков мог бы возразить - он и возражает в «Московских впечатлениях, - что «Реальность ещё хуже литературы».

Возможно, он и прав, тем более после того, как спустя много лет прилетел из Германии в Москву и поделился затем своими впечатлениями о городе, о необязательности, хамстве и злобности людей, об их жизни «по понятиям» и о печально изменившейся психологии даже наиболее мыслящей части общества.

А заканчивается книга тоже чисто по Шесткову, то есть вопреки «изящной словесности». Заканчивается именно так, как свойственно запоминающейся прозе автора «Алконоста»: «Тут музыки нет. Одни грубые ударные... Задницы по-скрипачьи пердят. Ни тебе литературы, ни приподнятости, ни вековой культуры - только личное дерьмо...».

Разумеется, автор лукавит и даже немного кокетничает. Можно что-то принимать или не принимать в творчестве Игоря Шесткова, можно и возмутиться какими-то фразами, но вот такая при этом занятная странность: всё

равно, при любом несовпадении вкусов, тебя тянет читать эту книгу. Потому что перед нами не только профессионально написанные произведения, что по нынешним временам встречается не очень часто, но, главное, это такая литература, благодаря которой лишний раз убеждаешься, что правда, какой бы неудобной и порой даже отталкивающей она ни была, - эта неприкрашенная правда важнее литературного изящества.

Видимо, нелишне упомянуть привлекательное оформление книги «Алконост», в которой удачно подобраны пропагандистские и бытовые советские плакаты, теперь вызывающие ироническую улыбку. Хотя, как и с упомянутой нецензурной лексикой, здесь тоже ощущается некоторый перебор. Словно бы эти плакаты подбирал для своей книги лично Игорь Шестков. А может, и в самом деле он?